

— ...Цзи, второй молодой господин, он... кажется, он потерял сознание...

Гу Цзиньлинь только что пришел в себя. Боль. Раздирающая, невыносимая боль. Она терзала не только тело — сердце болело так, словно в него вонзили кинжал.

В голову хлынули чужие воспоминания. В тумане сознания он уловил лишь свое новое имя в этом мире, то, что он уже совершеннолетний, и бедственное положение семьи, пришедшей в упадок.

Едва он вздрогнул ресницами, собираясь открыть глаза, как услышал тихий смешок. Затем раздался звонкий юношеский голос — чистый, как горный ручей, мягкий и мелодичный. По одному лишь тембру можно было решить, что говорит благородный и учтивый джентльмен. Однако в сочетании с тем, что именно он произносил, этот голос стал похож на лотос, испачканный грязью — чистота и святость исчезли без следа.

— ...Второй молодой господин Цзи, я виноват, но разве вы сами не велели ему смотреть? Если он в обмороке, как он увидит?

Услышав этот приторно-сладкий, вкрадчивый голос, Гу Цзиньлинь слегка нахмурился. Не обо мне ли они говорят?

— Хм, ты прав. С закрытыми глазами он ничему не научится...

В этот момент, когда Гу Цзиньлинь с трудом разлепил веки, ему прямо в лицо плеснули виски со льдом. Лед больно ударил в лоб, заставив его судорожно вдохнуть.

Увидев, что Гу Цзиньлинь очнулся, обладатель вкрадчивого голоса продолжил свои речи. Гу Цзиньлиня, промокшего насквозь и страдающего от боли в груди, это лишь сильнее разозлило.

Второй молодой господин Цзи подошел ближе. Гу Цзиньлинь был скован наручниками, а ноги подкашивались настолько, что он даже не мог встать. Цзи схватил его за подбородок и резко дернул вверх. Застигнутый врасплох Гу Цзиньлинь невольно прикусил язык — во рту разлился вкус крови.

Острая боль от раны сделала его нервы еще более чувствительными. Онемение сменилось яростью — ему нестерпимо захотелось ударить этого человека! И, сам того не зная, он угодил в точку: его реакция явно позабавила Цзи.

— Хочешь сбежать? Думаешь, сможешь вырваться из моих рук?

Но не успел он договорить, как почувствовал резкую боль в правой руке. Опустив взгляд, он увидел, что Гу Цзиньлинь вцепился зубами ему в основание большого пальца. Цзи рванулся, и Гу Цзиньлинь вырвал кусок кожи вместе с плотью!

На бледном, изящном личике Гу Цзиньлиня брызнула алая кровь. Он выплюнул то, что было во рту, и по его подбородку потекла струйка крови — то ли его собственная, то ли этого подонка. Гу Цзиньлинь тихо рассмеялся, напоминая маленького дьявола в человеческой шкуре, сбежавшего из ада.

— Еще раз тронешь меня — перегрызу глотку.

— Хлоп!

Звук пощечины эхом разнесся по огромной комнате. На бледной щеке Гу Цзиньлиня мгновенно проступил красный, горящий след от пяти пальцев.

— Ты... ты посмел укусить меня!

Второй молодой господин Цзи, скрежеща зубами, схватил Гу Цзиньлиня за воротник и приподнял, глядя на него с такой яростью, будто собирался проглотить живьем.

Тук-тук.

Раздался стук в дверь, а за ним — почтительный голос:

— Второй молодой господин, вернулся старший господин и хочет вас видеть.

Цзи приподнял бровь, недовольно цыкнул и отпустил воротник. Гу Цзиньлинь снова рухнул на пол. Теперь он понял, почему ноги не слушались: кажется, ему вкололи транквилизатор. Каждое движение отдавалось болью в месте укола.

Цзи небрежно накинул халат прямо на голое тело, не обращая внимания на кровь, капающую с его руки на пол. Он вышел, бросив на ходу:

— Позовите врача. Брат, где он сейчас?

В ту же секунду, как дверь закрылась, Гу Цзиньлинь сплюнул кровь. Он заставит этого второго господина Цзи заплатить сторицей!

— Система,ними наручники и выведи остатки транквилизатора из организма.

— Поняла, хозяин. Сяо Лю немедленно приступает к восстановлению.

Через некоторое время Гу Цзиньлинь почувствовал себя лучше. Он встал, огляделся и заметил на кровати комплект чистого желтого шелкового пижамного костюма. Сравнил его со своими рваными обносками, не раздумывая, переделся и, босиком, проскользнул к выходу.

В коридоре горел приглушенный свет, под ногами был мягкий ковер. Судя по обстановке и картинам на стенах, он находился в роскошном особняке. Гу Цзиньлинь прислушался и пошел на голоса.

— Я хочу поехать! Брат, позволь мне! — это был голос того самого второго господина Цзи.

— Присмотри за ним. Пусть сегодня ночует в моем кабинете, — раздался низкий, исполненный величия голос.

— Слушаюсь, старший господин.

Гу Цзиньлинь замер за углом, но вдруг звуки стихли. Он хотел уйти, но позади что-то разбилось. Пути назад не было.

В этот момент высокая фигура заслонила свет, падающий в коридор. Гу Цзиньлинь поднял голову и увидел мужчину в военной форме, смотрящего на него сверху вниз.

На ногах — начищенные до блеска черные армейские сапоги с брызгами грязи на носках, плотно облегающие стройные ноги. Серебряная пряжка ремня с орлом блеснула перед глазами Гу Цзиньлиня. Белая рубашка с закатанными рукавами открывала сильные, загорелые руки. Золотые знаки отличия на груди сияли в полумраке.

Мужчина держал в руках китель, а фуражку зажал под мышкой. Короткие черные волосы были слегка растрепаны. Глубокие карие глаза отражали желтую шелковую пижаму Гу Цзиньлиня. Высокий нос, тонкие губы, волевой подбородок. Мужчина сглотнул, и Гу Цзиньлинь снова услышал его низкий, властный голос:

— Так это ты — тот дикий котенок, который укусил Яньчжи, едва успев отвыкнуть от материнского молока?

Гу Цзиньлинь вскинул бровь. Отвыкнуть от молока? Да ты сам еще от него не отвык!

Он нахмурил носик и свирепо уставился на военного:

— Верно! Если посмеешь подойти, я откушу тебе уши!

Цзи Линьчэнь усмехнулся. В его глазах мелькнул блеск. Как истинного военного, его всегда привлекала добыча, которая отказывалась сдаваться. Гу Цзиньлинь успешно разжег в нем желание приручить строптивца.

Мужчина снял кожаную перчатку и в следующую секунду, к изумлению Гу Цзиньлиня, запихнул ее ему в рот. Тот мог лишь беспомощно мычать.

Цзи Линьчэнь тихо рассмеялся. Отлично. Кажется, на время этого отпуска перед началом кампании у него появилась забавная игрушка.

— Отныне ты мой. Я дам тебе имя... пусть будет Цзи Ичэнь. Если будешь послушным, я обеспечу тебе безбедную жизнь.

— Если будешь послушным, я обеспечу тебе безбедную жизнь...

Послушным? Не дождетесь. В этой жизни он, Цзи Ичэнь, никогда не будет послушным.

Он лежал на мягкой кровати, пока врач обрабатывал ссадины на его спине. Спирт щипал кожу, и он невольно вскрикивал.

— Делай это осторожнее, не слышишь, как он кричит?

Голос мужчины звучал властно, не допуская возражений. В комнате было трое: он, Цзи Ичэнь, офицер Цзи Линьчэнь и врач в белом халате по имени Линь Хуай.

Когда ватный тампон, наконец, перестал причинять боль, Линь Хуай поднялся, передал инструменты Цзи Линьчэню и, под его озадаченным взглядом, снял медицинские перчатки и маску.

— Господин Цзи, я ваш военный врач, а не ветеринар. Мое дело — спасти умирающих солдат, а не лечить домашних зверушек, которых замучили до полусмерти. Занимайтесь этим сами.

Линь Хуай снял халат, под которым оказалась военная форма. Его знаки отличия говорили о том, что он подчиненный Цзи Линьчэня.

— Ты... — Цзи Линьчэнь опешил. С чего это Линь Хуай вдруг так взъелся?

Пока они спорили, Цзи Ичэнь сполз с кровати, выхватил у Цзи Линьчэня инструменты и флакон с лекарством.

— Повторяю еще раз: я не котенок и не чья-то игрушка. Я сам обработаю свои раны, не утруждайтесь.

Он направился в ванную, не оглядываясь на ошарашенных мужчин.

— Бах! — дверь ванной захлопнулась.

Линь Хуай, чье лицо потемнело, был в ярости. Он, прославленный врач-призрак, был поставлен на место какой-то зверушкой! Цзи Линьчэнь, наслаждаясь его замешательством, положил руку ему на плечо:

— Врач, ты разозлил моего маленького льва. В следующий раз будь осторожнее, а то он и правда откусит тебе голову!

Линь Хуай фыркнул и вышел из комнаты. Цзи Линьчэнь, не торопясь, допил остатки бренди из бокала. Алкоголь приятно согрел горло, на скулах проступил легкий румянец. Он расстегнул две верхние пуговицы рубашки, обнажив ключицы, и, услышав шум воды в ванной, направился туда.

<http://bllate.org/book/22217/2317444>